УДК 81'1:316.77

ОТВЕТНЫЕ РЕПЛИКИ НЕФОРМАЛЬНОГО ИНТЕРВЬЮ: СОЮЗ «И» В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Богуславская В.В., Ерещенко М.В.

ФГБОУ ВПО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, e-mail: boguslavskaya@gmail.com, tutuki@yandex.ru

В рамках данной публикации внимание сосредоточено на союзе «и», посредством которого говорящий может передавать свое отношение к сказанному, выражать эмоциональное отношение к предмету речи. Данный союз моделирует отношения между частями высказывания скрытым образом, а поэтому в прагматическом плане вносит в содержание высказывания оценочные смыслы. В ответных репликах неформального интервью союз «и» способен неявно конструировать контрастные отношения между двумя элементами пропозиции, репрезентирующими два соотносимых, но несовместимых фрейма. Это дает возможность интервьюеру актуализовать образ интервьюируемого в беседе, выразить свою критическую позицию относительно положения дел, которое инициировал собеседник, поддержать читательский интерес к последующей публикации интервью в модном журнале Актуализация того или иного смысла неявным способом неизбежно влечет за собой реализацию коннотативных семантических наслоений, которые можно рассматривать как выражение оценки говорящим субъектом того положения дел, о котором сообщается в пропозиции высказывания. В определенных контекстах употребления буквальное значение союза «и» осложняется противительным смыслом.

Ключевые слова: неформальное интервью, союз «и», конфликтующие фреймы, образ интервьюируемого, критическая позиция интервьюера

REACTIVE CUES OF INFORMAL INTERVIEW: THE CONJUNCTION "AND" IN THE COGNITIVE ASPECTS

Boguslavskaya V.V., Ereschenko M.V.

Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Don State Technical University», Rostov-on-Don, e-mail: boguslavskaya@gmail.com, tutuki@yandex.ru

The article focuses on the conjunction «and» by which the speaker can transmit their attitude to what has been said, to express the emotional attitude to the subject of the question. This conjunction makes the relationship between the parts of the statement with the hidden manner, and therefore in a pragmatic plan contributes to the content of the statements estimates meanings. In reactive replicas of informal interview the conjunction «and» is able to construct implicitly the contrastive relations between two proposition elements representing two relative, but incompatible frames. It gives the interviewer the opportunity to actualize the interviewee's image, express his or her critical position of the state of affairs initiated by the interlocutor, maintain readers' interest to the further interview publication in a fashionable magazine. Actualization of a sense by implicit method entails the implementation of connotative semantic layers, which can be regarded as an expression of the speaking the subject of the situation, which is reported in the statement of the proposition. In certain contexts, the using of the main meaning of the conjunction "and" is complicated by adversative sense.

Keywords: informal interview, conjunction «and», conflicting frames, interviewee's image, interviewer's critical position

Научно-лингвистическая деятельность, направленная на исследование союзов как средств связности высказывания и текста, представлена многочисленными источниками и достигла к настоящему времени определенных результатов. Во многих работах средства связи исследуются на разнообразном фактическом материале (художественная коммуникация, спонтанная диалогическая речь), в котором в качестве объекта эмпирического анализа выступают, в частности, союзы с сочинительной и подчинительной семантикой [Гаврилова, 2005; Ерещенко, 2001; Кудрявцева, 2010; Ломакина, 2001; Редкозубова, 2000, и др.].

Традиционно считается, что Аристотель называл союзы «голосами, которые не имеют значения» [Ullmann, 1957]; Дионисий Тракс описывал союзы как «часть речи, которая связывает части высказывания и заполняет определенные пробелы в процессе интерпретации этого высказывания» (более подробно об этом см.: [Robins, 1967: 43]). В рамках лингвистической философии союзы как средство связи начинают занимать почетное место в полнозначных семантических исследованиях. В частности, Б. Рассел пишет, что теория союзов составляет значительную часть логики; союзы порождают молекулу-предложение, разделяя его на атомы [Russell, 1973: 38]. В последующей лингвофилософской традиции связующая функция союзов интерпретируется по аналогии с теми связями

и отношениями, которые обнаруживаются в формальной логике.

Семантико-прагматическое исследование союзов как средств связи исходно представлено теорией конверсационной логики Г. Грайса, в которой утверждается, что аспекты значения связующих средств в естественном языке оказываются имплицированными либо в конвенциональном, либо конверсациональном отношении. Например, в *p but q* на уровне конвенции имплицируется тот факт, что между *p и q* обнаруживаются отношения контраста [Grice, 1967: 90]. В последующих изысканиях наблюдается смещение исследовательского интереса с пропозиционального уровня средств связи на уровень дискурса. В частности, выявляются разнообразные функции средств связности, которые не могут быть объяснены исходя исключительно из их пропозициональной парадигмы. В частности, средства связности идентифицируются в качестве «организаторов речевых актов» [Dijk, 1979], «дискурсивных маркеров» [Сарафанникова, 2006].

Представляется, что можно выделить по крайней мере три уровня, в рамках которых средства связности могут быть оптимально исследованы с точки зрения дифференцированного представления об их функциях:

1) пропозициональный уровень, на котором средства связности в концептуальном плане моделируют отношения между связываемыми частями высказывания или текста;

2) межличностный уровень, на котором средства связности активно задействуются в целях достижения согласия между участниками коммуникативного процесса;

3) прагматический уровень, на котором средства связности линейно организуют речевое произведение участников коммуникативного процесса.

Естественно, что в рамках реального дискурса все три уровня оказываются взаимосвязанными и средства связности «действуют» на более чем одном уровне в данный момент развития дискурса, а функции средств связности на одном уровне предопределяются их функциями на других уровнях, поскольку их значения соотносятся с семантическим наполнением высказывания и текста.

В текущих лингвистических исследованиях средства связности традиционно рассматриваются как элементы «стыковки» пропозиций, предложений (высказываний), частей сложного предложения, т.е. лингвистических единиц, выражений и сегментов речи или языка. Они также анализируются в качестве показателей обстоятельственных (риторических) отношений, отношений когерентности высказывания или текста [Halliday, Hasan, 1976]. Как представляется, актуальным предстает их анализ на фактическом материале, превосходящем текстуальные или дискурсивные отношения, с учетом фоновой информации, как единиц, которые активируют, производят, реконструируют в рамках коммуникативного процесса систему «здравого смысла» говорящего субъекта.

Другими словами, средства связности потенциально ориентированы на структурированное фоновое знание говорящего субъекта, поскольку эти знания существуют до момента непосредственной инициации речевого события. Рассмотрение средств связности в обозначенном выше аспекте дает возможность уточнить и детализировать их функции в процессе речевой активности субъекта. Средства связности способны актуализировать стереотипическое знание говорящего.

В рамках данной публикации сосредоточим наше исследовательское внимание на союзе *и*, посредством которого говорящий может передавать свое отношение к сказанному, выражать эмоциональное отношение к предмету речи. В своих предшествующих исследованиях мы отмечали, что в рамках спонтанного диалога этот союз выполняет две функции: он координирует сегменты высказывания и линейно «продолжает» речевое действие говорящего. В традиционных грамматиках русского языка союз *и* не рассматривается в рамках класса противительных или противопоставительных средств связности. Вместе с тем приведем следующие примеры ответных реплик из жанра неформального интервью:

(1) *«– Зрители меня постоянно спрашивают о моей личной жизни, и я стараюсь избегать разговоров о себе…» (ОК, 2013, № 15, с. 18);*

(2) *«– Кристина говорит, что просьбы могут быть смешными, и Вы вдруг заявляете, что просьбы такими не могут быть…» (ОК, 2013, № 11, с. 29);*

(3) *«– Зритель поверил, что Вы легко вжились в образ своего героя, и Вы говорите, что не прочувствовали свою роль до конца…» (ОК, 2012, № 23, с. 46).*

Приведенные примеры свидетельствуют, что союз *и* несет в реагирующих высказываниях большую нагрузку, нежели просто связывает части этих высказываний. Так, в (1) данный союз выявляет испытываемый говорящим дискомфорт, неодобрение сложившейся ситуацией; в (2) и (3) он моделирует отношения контраста между частями высказывания, выявляя позицию,

неприемлемую для объекта речи. Скрытая предпосылка в примере (3), в частности, заключается в следующем: не может быть, что интервьюируемый актер плохо исполнил свою роль в новом фильме, поскольку он считается лучшим исполнителем подобных ролей, и зрители согласны с этим. В контексте анализируемых нами реагирующих реплик более естественным оказался бы союз *но*, который эксплицитно реализует отношения контраста между частями высказывания. Ср.:

(4) *«– Зрители меня постоянно спрашивают о моей личной жизни,* ***но я*** *стараюсь избегать разговоров о себе…».*

Контраст между частями высказывания в (4) предопределяется отрицанием ожиданий интервьюера относительно того, что интервьюируемый изложит какую-либо информацию о своей частной жизни, при этом вторая часть высказывания выявляет причину подобного положения дел. Интерпретация подобного высказывания может иметь следующую форму: *Зрители постоянно спрашивают его о личной жизни, но он ничего не скажет в ответ, потому что избегает разговоров о себе.* Союз *но* функционирует в этом случае как средство, обеспечивающее последующее введение пропозиции посредством союза *потому что*. Хотя союз *но* по определению является средством связности, моделирующим отношения контраста между частями высказывания, в некоторых случаях (как, например, в (1)–(3)) говорящий – в целях подчеркивания своего критического отношения к обсуждаемой ситуации – делает выбор в пользу союза *и*. Рассмотрим еще раз пример (3) и его возможные варианты:

(5) *«– Зритель поверил, что Вы легко вжились в образ своего героя,* ***но*** *Вы говорите, что не прочувствовали свою роль до конца…»;*

(6) *«– Зритель поверил, что Вы легко вжились в образ своего героя. Вы говорите, что не прочувствовали свою роль до конца…».*

Полагаем, что союз *но* (как, например, в (5)) выступает чисто логическим средством связности и моделирует отношения контраста между частями высказывания не скрытым (на уровне импликатур), а явным образом. Причина этого заключается в том, что контраст в данном случае реализуется в процессе отрицания синонимичных выражений, которые имеют место в первой и во второй части высказывания (ср.: *легко вжились в образ своего героя – не прочувствовали свою роль до конца*). Особенно явно это проявляется в (6).

Предпочтение союза и со стороны говорящего в примерах (1)–(3) объясняется, как думается, следующими факторами. Данный союз моделирует отношения между частями высказывания скрытым образом, а поэтому в прагматическом плане вносит в содержание высказывания оценочные смыслы. Актуализация того или иного смысла неявным способом неизбежно влечет за собой реализацию коннотативных семантических наслоений, которые можно рассматривать как выражение оценки говорящим субъектом того положения дел, о котором сообщается в пропозиции высказывания. В определенных контекстах употребления буквальное значение союза *и* осложняется противительным смыслом. Универсальный характер этого процесса в рамках спонтанной диалогической речи дает возможность предположить, что указанное осложнение основывается на максимах ведения разговора и импликатурах, которые по своему характеру являются конверсационными.

Полагаем, что в целях концептуального объяснения рассматриваемого нами феномена целесообразно обратиться к теории фреймов. С опорой на данную теорию мы имеем возможность обосновать тот факт, что употребление союза *и* в противительном значении представляет собой определенную закономерность, тенденцию в разговорной речи, нежели намеренное нарушение со стороны говорящего закономерностей, присущих системе языка.

Функция союза *но* заключается в том, чтобы актуализировать в речи такой фрейм, в котором противопоставляются, разделяются некоторые концептуальные сферы наших фоновых знаний, даже если эти сферы соотносятся по какому-то общему параметру. Этот союз функционирует как показатель противопоставления определенных отчетливо структурированных фреймов. Ср.:

(7) *«– Да, он не пользуется популярностью среди современных исполнителей,* ***но*** *он действительно пишет хиты для нашего дуэта…» (ОК, 2013, № 1, с. 38).*

Этот союз может также функционировать в рамках одного и того же фрейма с целью усиления (частичной модификации) актуализуемых характеристик объекта речи: наличие одной характеристики объекта «не мешает» проявлению другой характеристики, причем обе характеристики относятся к одному и тому же домену. Ср.:

(8) *«– У нас небольшая звукозаписывающая студия,* ***но*** *она оснащена всем передовым оборудованием…» (ОК, 2012, № 32, с. 21).*

Союз *и*, напротив, априорно является средством связности, которое «соединяет» прогнозируемые подобные характеристики объекта речи в рамках одного и того же фрейма, но также с целью усиления или

модификации этих характеристик. Оба союза способны формировать подфреймы в рамках одного и того же фрейма. Союз *и* также задействуется для соединения соотносимых, но несовместимых фреймов, которые предполагают (включают в свою структуру) несовместимые характеристики и, в свою очередь, являются элементами более глобальных фреймов.

Вместе с тем этот союз функционирует в качестве своеобразного маркера субъективности, поскольку он ориентирует адресата на тот факт, что в пропозиции стимулирующего высказывания содержится информация об отношении говорящего к объекту речи. Он подчеркивает концептуальное подобие соединяемых характеристик. При этом подобием, по мнению говорящего, могут обладать характеристики, которые с логической точки зрения не сочетаются в рамках одного и того же фрейма. Говорящий как бы «насильно подгоняет» эти характеристики под один фрейм, таким образом порождая неявно выраженный оценочный смысл. Другими словами, логически (объективно) несовместимые характеристики объекта речи становятся совместимыми и, следовательно, репрезентирующими один и тот же фрейм в фоновых знаниях говорящего субъекта. Именно в этом случае союз *и* конструирует контрастные отношения в рамках высказывания, которые не заложены в системе языка.

Для иллюстрации этого положения приведем еще один пример:

(9) *«– Многие популярные исполнители регулярно обращаются к Вам за новой песней, и Вы часто отвечаете решительным отказом…» (ОК, 2013, № 5, с. 21).*

В диалогической реплике актуализовано два фрейма: «Обращение исполнителей к автору песен» и «Манера общения автора песен с исполнителями», которые, в свою очередь, соотносятся с более глобальными фреймами «Профессиональная деятельность исполнителей» и «Профессиональная деятельность авторов песен» соответственно. Союз *и* в данном случае соединяет две пропозиции, в которых реализуются два соотносимых фрейма: общим знаменателем этих фреймов выступает *специфика взаимоотношений между певцами и авторами популярных песен.* Однако анализируемые нами фреймы оказываются несовместимыми, поскольку первый фрейм («Обращение») и второй фрейм («Отказ») взаимно исключают друг друга.

На уровне предложения эти фреймы представлены говорящим как взаимно дополняющие друг друга (что, собственно говоря, подчеркивается употреблением союза *и*). На уровне высказывания между актуализуемыми фреймами обнаруживаются контрастные отношения (*регулярно обращаться – часто отвечать решительным отказом*). При этом субъективная точка зрения говорящего выражается неявным образом, поскольку отсутствуют конвенциональные языковые формы, указывающие на критическую позицию по отношению к сложившемуся положению дел (т.е. нет выражений типа *Я не одобряю, Я считаю неправомерным* и т.д.).

Значение и смысл диалогической реплики противоречат друг другу, что становится прагматической основой неявного проявления эмоционально-оценочной сферы говорящего, который не понимает сложившееся положение дел, расценивает его критически, выражая по этому поводу сомнение, тревогу. Очевидно, что употребление противительного союза в данном случае «нейтрализовало» бы эмоционально-оценочные наслоения реплики. Вместе с тем, как представляется, союз *и* в примере (9) характеризуется направленностью на адресата реплики: соединяя несоединимое, он выявляет тот факт, что для слушателя сложившееся положение дел предстает непротиворечивым, для его фоновых знаний это вполне обычная закономерность: данная посылка предопределяет именно подобный характер следствия.

Таким образом, образ слушающего (интервьюируемого) эксплицитно представлен в диалогической реплике, образ говорящего (интервьюера) – косвенным образом. Напряжение между фоновыми знаниями участников общения адресант «снимает» в пользу адресата, что диктуется самой спецификой неформального интервью, в которой приоритет внимания отдается интервьюируемому лицу как источнику актуального читательского интереса [Афанасьева, 2010: 18–19]. Союз *и* дает возможность интервьюеру «упаковать» свои речевые намерения в «привлекательный образ», «забыть» о себе и выгодно высветить личность интервьюируемого, поставить ее в центр ведения непринужденной беседы.

Прибегая к актуализации союза *и* между двумя конфликтующими фреймами, интервьюер неявно выражает свою критическую позицию. Само сложившееся положение дел, инициатором которого является интервьюируемый, оказывается до конца не признанным, не разрешенным с точки зрения здравого смысла интервьюера, что оказывает впоследствии соответствующее воздействие на читательскую аудиторию. Коммуникативная стратегия интервьюера направлена на то, чтобы заинтриговать

последующих читателей интервью, заставить их самостоятельно домыслить информацию о сообщенных противоречивых фактах и, таким образом, еще долго говорить между собой о публикации интервью в модном журнале.

В связи с этим, можно говорить о том, что союз *и* как связующее средство между двумя контрастными элементами пропозиции реплики, как речевой способ соединения двух несоединимых с точки зрения здравого смысла фреймов (*p и q*) задействуется интервьюером в риторических целях, поскольку проецирует последующую читательскую реакцию в строго заданном смысловом русле. Подобная стратегия оказалась бы безуспешной, если бы результатом выбора интервьюера оказался противительный союз *но* (*p,* но *q*). В этом случае актуализуемые в реплике фреймы были бы представлены как заведомо конфликтующие с точки зрения здравого смысла обоих участников интервью, явно выраженный конфликт фреймов не получил бы критического освещения, а поэтому не стал бы «аттрактором» читательского внимания.

Список литературы

1. Афанасьева И.В. Лингво-риторические особенности англоязычного интервью: автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 22 с.

2. Гаврилова Г.Ф. Избранные труды. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2005. – 245 с.

3. Ерещенко М.В. Конструкции со служебным словом «И» и их разновидности в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – 150 с.

4. Кудрявцева Н.Б. Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка: дис. … д-ра филол. наук. – М., 2010. – 338 с.

5. Ломакина Е.Е. Сложносочиненные предложения с союзом И и соотносительные с ними текстовые построения: дис. … канд. филол. наук. – Иваново, 2001. – 203 с.

6. Редкозубова Т.М. Синонимия подчинительных союзов в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2000. – 135 с.

7. Сарафанникова Е.В. Дискурсивные маркеры соотнесения сообщаемого с действительностью: На материале телевизионных новостей на русском и английском языках: дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 197 с.

8. Dijk T.A. van Pragmatic Connectives // Journal of Pragmatics. – 1979. – № 3(5). – P. 447–456.

9. Grice P.H. The Causal Theory of Perception // The Philosophy of Perception. – Oxford: Oxford University Press, 1967. – P. 85–112.

10. Halliday M., Hasan R. Cohersion in English. – London: Longman, 1976. – 321 p.

11. Robins R.H. A Short History of Linguistics. – L.: Longmans, 1967. – 342 p.

12. Russell, B. An Inquiry into Meaning and Truth. – L.: Penguin, 1973. – 321 p.

13. Ullmann, S. Principles of Semantics. – Oxford: Blackwell, 1957. – 278 p.

References

1. Afanaseva I.V. Lingvo-ritoricheskie osobennosti anglojazychnogo intervju: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. SPb., 2010. 22 p.

2. Gavrilova, G.F. Izbrannye trudy. Rostov-na-Donu: RGPU, 2005. 245 p.

3. Ereshhenko, M.V. Konstrukcii so sluzhebnym slovom «I» i ih raznovidnosti v sovremennom russkom jazyke: dis. … kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2001. 150 p.

4. Kudrjavceva, N.B. Diskurs i sistema sochinitelnyh sojuzov sovremennogo francuzskogo jazyka: dis. … dokt. filol. nauk. M., 2010. 338 p.

5. Lomakina, E.E. Slozhnosochinennye predlozhenija s sojuzom I i sootnositelnye s nimi tekstovye postroenija: dis. … kand. filol. nauk. Ivanovo, 2001. 203 p.

6. Redkozubova, T.M. Sinonimija podchinitelnyh sojuzov v sovremennom russkom jazyke: dis. … kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2000. 135 p.

7. Sarafannikova, E.V. Diskursivnye markery sootnesenija soobshhaemogo s dejstvitelnostju: Na materiale televizionnyh novostej na russkom i anglijskom jazykah: dis. … kand. filol. nauk. Voronezh, 2006. 197 p.

8. Dijk, T.A. van Pragmatic Connectives // Journal of Pragmatics. 1979. no. 3(5). pp. 447–456.

9. Grice, P.H. The Causal Theory of Perception // The Philosophy of Perception. Oxford: Oxford University Press, 1967. pp. 85–112.

10. Halliday, M., Hasan, R. Cohersion in English. London: Longman, 1976. 321 p.

11. Robins, R.H. A Short History of Linguistics. L.: Longmans, 1967. 342 p.

12. Russell, B. An Inquiry into Meaning and Truth. L.: Penguin, 1973. 321 p.

13. Ullmann, S. Principles of Semantics. Oxford: Blackwell, 1957. 278 p.

Рецензенты:

Кудряшов И.А., д.фил.н., профессор кафедры русского языка и теории языка, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону;

Китанина Э.А., д.фил.н., профессор кафедры иностранных языков для экономических специальностей, ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону.